

Премьера - это всегда праздник. Под занавес зимы город был приглашен на, безусловно, интересный спектакль. Премьерная публика всегда более придирчива, зато и служит режиссеру и актерам своеобразным камертоном на пробу, "как слово наше отзовется". Трудно понять, как удается почувствовать "среднее арифметическое" успеха, ведь сколько зрителей, столько и мнений, однако самое замечательное в премьерном зрителе - его особая требовательность, равнодушие, интерес. Какой же истинный поклонник упустит случай поболеть за свою команду! Так что побольше премьер в собственном театре нашего небольшого провинциального городка - и триста человек будут при входе раскланиваться и здороваться за руку каждый с каждым.

Наверное, нужно быть благодарным режиссеру за сам выбор пьесы. Тема "Жизнь актера" так заезжена, так затаскана современным телевидением, что актер перестал для нас быть обыкновенным человеком. Поиски, страдания, сомнения, жизнь во имя искусства - вот что вернули нам в представлениях об этой профессии. А покамест сформировано и размазано по нашим мозгам вот это: сплетни, скандалы, интриги, "мерседесы", сексуальные пристрастия, кандидатство в депутатство и так далее в том же роде. Хотя потому вечна эта профессия, что раскрывает нам жизнь души, и через страдания другого человека мы лучше понимаем душу собственную. "Как лучше расправиться с моим дядей, который убил моего отца и женился на моей матери?" - можно ли таким образом трактовать смысл гамлетовского монолога "Быть или не быть"? А ведь телебоевики приучают именно к такому толкованию глубочайших нравственных исканий.

Актеры театра "Вариант" - из славного племени вечных. В пьесе "Убийство Гонзаго" они играют самих себя. Безотносительно к исторической хронологии актеры - как дети, для которых игра и жизнь неразделимы. Костюмы и музыка помогают почувствовать эпоху, но не иллюстративно, а образно: зацепили наше воображение, и твоё дело, соглашайся или не соглашайся с красной перчаткой Полония, с черным платьем Офелии, с белыми одеждами палача. И когда колокол звучит или барабан, то удары и дробь не задерживаются в органе слуха, а спускаются сверху вниз до самых кончиков пальцев. Декораций почти нет, да и откуда им взяться в бродячем театрике, зато грубые занавесы на перекрещенном оружии позволяют видеть не зрением, но чувствами и дворцовые комнаты, и сцену, и тюрьму одновременно. Ящики с реквизитом превращаются и в театральные подмостки, и в тюремные камеры. Вешалка для театрального костюма становится зловецким могильным крестом, как только палач уверенно и спокойно положит на нее руки в белых перчатках. Палач - в белом, с маской и гримом, полностью скрывающим лицо актера.

воспринимается жутким образом Смерти. Все остальные актеры играют без грима - живые люди, странствующие из века в век по театральным подмосткам.

Ощущение времени пугается из-за очень современного языка пьесы. "Ах ты сучка!" - кричит Полоний и бежит влепить оплеуху пугалице-нахалке. Как сопротивляются мои эстетические чувства такому энергичному проявлению чувств знатного вельможи! И тут же принимают игру В. Ковтуна! Полоний в этот момент не "при исполнении служебных обязанностей", без присутствия посторонних, а эта дерзкая шлюха заслуживает и не таких обращений. А то, что слыш-

легко, мимоходом, играючи. Главная мечта в жизни - купить собственный театр, то есть выполнять то же дело, что и сейчас, - быть актером.

Так что же это за профессия - актер? Он всего только произносит чужие слова. "Нет!" - говорит Полоний. - Он передает смысл чужих слов". И поэтому "лучше иметь плохую надпись на своей могиле, чем плохой отзыв от них при жизни". Палач задает вопросы, а ответы выслушивает Смерть (фильгранная работа Вадима Белокона). Палач ведет следствие: может ли актер быть заговорщиком? Актер - пешка, им двигают по своей прихоти короли, принцы, вельмо-

должна проходить через сердце актера по первому его требованию.

Кто кому подчинен: актер профессии или профессия актеру? Элизабет в прекрасном исполнении Л. Девинной дает почувствовать и большую актрису, и обычную женщину - ревнивую, ворчливую, капризную, терпеливую. Самоотверженную и в любви к мужу, и в любви к театру.

Молодые актеры бродячей труппы Амалия, Генри и суфлер пытаются каждый по-своему приспособить роль к себе, пока еще активно ищут себя в искусстве. Удивительно, но то же можно сказать и об исполнителях - Е. Чайниковой и Е. Ряписовой, А. Ряписове, Д. Плохове - применительно к их собственному творчеству.

Актеры втянуты в чужую игру. Полоний и Горацио слишком умны, чтобы вести партию только в качестве представителей короля и принца. Но и они - паяцы, режиссер направляет ход их игры. Режиссер - госпожа история. Закономерно, что роль главного историка государства достается молодому, энергичному, умному. Горацио Б. Терентьева не сомневается в других необходимых для закономерности качествах: лови удачу, предай друга, крутись, не зевай, не побывав шутком, не станешь господином.

Играть не умеет только Офелия. Нежный голосок Ольги Кирилочкиной приспособляется к фарсу пьесы, но чужие жесты и чужие мысли не задевают хрупкую юную душу. Измена принца важнее государственного переворота. Искренность в фарсе так же призрачна, как и невидимые шесты в руках сумасшедшей. "Офелия, о нимфа, помяни меня в своих святых молитвах!" Может, именно нимфой и суждено ей стать при такой чистой душе.

В последние годы популярна теория о земной жизни как промежуточной между несколькими прошлыми и будущими. Даже принимая эту теорию, человек хотел бы на как можно дольше растянуть земную жизнь, пусть с невзгодами, пусть с огорчениями. Не в том ли притягательность актерской профессии, что за земную жизнь актер успевает прожить и свою судьбу, и несколько чужих, сделав их своими, пройдя с Гекубой через ее муки?

Так ведь то же самое относится и к зрителю. Что ему Гекуба? Что ведет зрителя в театр? Можно соглашаться или не соглашаться с трактовкой образов, с исполнительской манерой актера, можно раздражаться по поводу технических возможностей театра, но нельзя не порадоваться самому факту премьеры в собственном театре провинциального российского городка в эпоху смены эпох и дикого, нецивилизованного перехода не поймешь к чему в конце XX века.

В. САЛКА.

На снимках: режиссер Евгений Юрьевич Панцов; сцена из спектакля. Фото С. БАТАЛОВА.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

ком, кажется, быстро бегают Полоний, слишком, кажется, подвижен для своего сана, так опять же: Полоний не старше В. Ковтуна, и живость оправдана не только возрастом, но и деятельным характером, роля при дворе не удержится.

Ощущение времени теряется и от узнаваемости человеческих отношений. Чарльз - актер, директор театра (замечательно исполненный Виталием Козловым), мучается от необходимости понять чужие интриги, поминутно улаживает стычки жены и любовницы, актеров между собой, успевает приложиться к кувшинчику, польстить Полонию, поиздеваться над Горацио - все

жи. Но пешки двигают чувства зрителей, и если королю станет дурно во время представления, то просто оттого, что актер был точен в движениях, в мимике и в интонациях. Инструмент актера - его тело, которым он владеет так же совершенно, как музыкант флейтой. По заданию режиссера одна часть лица его смеется, а другая плачет. За технику мимики А. Ряписов получил на премьере аплодисменты.

Однако главный, не изученный ни после Шекспира, ни после Станиславского вопрос: как актер управляет своими чувствами, почему страдает от чужой боли как от своей собственной? "Что ему Гекуба?"

Умудренный опытом перерождения за полвека актерского ремесла, Бенволио может свидетельствовать: за ту же самую роль здесь, в этом замке, его отцу-актеру отрубили голову. Лев Юшков играет старого актера очень убедительно, демонстрируя актерскую технику как бы нехотя, устало, привычно. Мы видим нового Юшкова: Бенволио стал его частью, Комедийный талант Льва Николаевича сливается с мудростью образа, и становится понятно: вдохновение - великая вещь, но Гекуба

